

М.Д. Чертыкова

DOI: 10.25693/SVG.V.2021.37.4.008

УДК 811.512.153

Языковая интерпретация характера человека (на материале хакасского языка)

Научная новизна статьи определяется тем, что впервые в хакасском языкознании выявляются и описываются лексические средства, отражающие характер человека, в частности, лексемы, входящие в базовые полярные микрополя «трудолюбивый – ленивый», «весёлый – грустный», «добрый – злой».

Цель статьи – выявление и описание лексико-семантического своеобразия лексем, характеризующих человека, а также мотивационных моделей, лежащих в их основе. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: 1) установить границы семантического поля «образ человека»; 2) выделить лексемы, описывающие характер человека, в системе определённых полярных моделей; 3) в ходе анализа определить семантические и сочетаемостные особенности данных лексем; 4) выявить семантико-когнитивное своеобразие изучаемых концептуальных структур.

Методы исследования. В исследовании использован семантико-когнитивный метод, который предполагает рассмотрение лексем во взаимосвязи их содержательных и концептуальных структур.

Результаты. В результате исследования установлено, что в семантике рассматриваемых лексем содержатся указания на определяемые контекстом признаки постоянства и временности человеческого характера. Некоторые прилагательные из микрополя «весёлый – грустный» не могут выступать в качестве лексем,

© Чертыкова М.Д., 2021

характеризующей субъекта, при этом сочетаются лишь с объектным именем с отвлеченным значением (*хомзыныстыг кӱг* 'грустная песня', *ӧрністіг тылаас* 'радостная весть' и т.д.), но носителем выражаемой эмоций является субъект – человек.

В ходе анализа языкового материала выявлено, что для обозначения качеств характера человека, помимо прилагательных, используются и другие лексические средства: субстантивы, фразеологические единицы, эмоционально-экспрессивные слова, синтаксические описания и др., например, эмотивные наречия в сочетании с глаголом также создают фон характеристики человека с ориентацией на модель поведения.

Ключевые слова: хакасский язык, лексема, характеризующая человека, семантика, полярные значения, микрополе

I. Введение. Человек является субъектом и объектом исследовательского интереса одновременно в различных сферах науки: философии, психологии, литературоведении, лингвистике и др. В современной лингвистике вопросы антропоцентрической парадигмы получают активное развитие. Данный аспект исследований предполагает, что все многообразие объективной действительности, получившее выражение в языковой системе, связано с той или иной деятельностью человека. Человеческий фактор в языке подразумевает тесную связь языка с различными видами деятельности человека: с сознанием, памятью, эмоциями, поведением, восприятием, речью, действиями и т.д. В решении этих антропоцентрических вопросов в лингвистике, в частности, в русистике, основополагающими являются работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 2000], Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1995], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 2001] и др. В результате многочисленных обсуждений и попыток сгладить разногласия по определенным вопросам лингвисты признали, что антропоцентризм является опорным понятием в парадигме языка и мышления. В ходе исследования конкретных лексических группировок формируется их общая теория, но само понятие все еще не имеет однозначной трактовки. Также применение принципов когнитивистики способствует установлению связи между языковыми явлениями и «единицами» сознания, обусловленными способностью человеческого интеллекта к познанию. Рассмотрение языковых сущностей в когнитивной парадигме осуществляется также зарубежными учеными, что позволяет связать языковые сущности с принципами категоризации окружающего мира, принятыми человеческим сообществом, говорящим

на том или ином языке [Radden, 1988, Taylor 1989 и др.].

Тюркская лексика, описывающая человека, стала объектом специального исследования только в последние десятилетия. Лингвисты обращали на нее внимание с целью выявления лексических и структурно-морфологических особенностей [Рахимова, 2010, Добринина, 2012 и др.], лингвокультурного моделирования образа человека по данным языка [Афанасьева, 2019; Чертыкова, 2020а и др.]. В рамках понятия «языковой образ человека» рассматриваются лексемы, описывающие как внешние, так и внутренние характеристики человека. Тем самым лингвистическое описание образа человека проводится по разным аспектам. Языковое отображение физических, эмоциональных, ментальных, социальных и других параметров человека часто соотносится с категорией прилагательных. Как известно, в тюркских языках прилагательные в зависимости от контекста могут выражать как признаки предмета (и / или лица), так и действия и при этом, принимая соответствующие грамматические формы, могут приобретать значения другой части речи – существительного, наречия или глагола. Данный тезис рассмотрим на примере хакасской лексики *чахсы* «хороший; хорошо»: *чахсы кизи* 'хороший человек', *чахсы чорых* 'хорошая поездка', *чахсы тогынарга* 'хорошо работать'.

II. Материалы и методы. В статье анализируются лексические единицы трех базовых микрополей в хакасском языке, относящиеся к семантическому полю лексем, характеризующих человека. Это лексемы с полярными оценочными значениями: а) трудолюбивый – ленивый, б) веселый – грустный, в) добрый – злой. В ходе исследования применялся семантико-когнитивный метод, который предполагает рассмотрение

лексем во взаимосвязи их содержательных и концептуальных структур. Как показал анализ фактического материала, для обозначения человеческих качеств характера помимо прилагательных используются и другие лексические средства – субстантивы, фразеологизмы, эмоционально-экспрессивные слова, синтаксические описания и др. Материал для исследования получен из лексикографических и текстовых источников хакасского языка: хакасско-русского словаря [ХРС, 2006], словаря синонимов хакасского языка [Кызласова, Чертыкова, 2014] и художественных произведений хакасских авторов. Методологической и теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные интерпретации образа человека в разнотипных языках [Апресян, 1995, Radden, 1988 и др.]

III. Результаты. Лексемы, характеризующие человека, образуют семантическое поле, внутри которого располагаются микрополя по принципу бинарных оппозиций в соответствии с положительными и отрицательными качествами человека, например: трудолюбивый – ленивый; радостный – печальный, добрый – злой; смелый – трусливый и т.д. Исходя из того, что в языковом сознании любого этноса хранится образ идеального человека, соответствующего всем морально-этическим нормам, лексемы, характеризующие человека, обладают субъективно-оценочным признаком. Тем самым все лексические средства для характеристики человека получают общую оценку «хороший» или «плохой». Соответствующие полярные лексемы *чахсы* ‘хороший’ / *хомай* ‘плохой’ также выражают обобщенную морально-этическую оценку характера человека:

Син ундуба, ол хомай даа полза, минің пабам [Кильчичаков, 1991: 81] – Ты не забывай, он, хоть и плохой, но он мой отец. *Чахсы хызычатар. Ооллары пар ба?* [Кильчичаков, 1991: 61] – Хорошие девушки, а женихи есть у них?

Выражения с обобщенным смыслом *чахсы кізі* ‘хороший человек’ и/или *хомай кізі* ‘плохой человек’ обозначают, что, по мнению наблюдателя, некий человек вообрал в себя все положительные и/или отрицательные человеческие качества.

Как известно, во всех языках большой процент лексем, раскрывающих образ человека,

приходится на прилагательные. В хакасском языке такие прилагательные по семантическим признакам мы разделили на два типа:

а) прилагательные, выражающие значение «врожденное и постоянное свойство характера человека».

Сіпер, чииттер, көп чахсы ниме итчезер, че угаа маңзыраахсар, көп суулапчазар [Татарова, 1991: 87] – Вы, молодые, делаете много добра, но вы очень уж быстрые (торопливые), много шумите. *Хомай кізі нимес, чоны даа чахсы, пазымныглар* [Кильчичаков, 1991: 182] – [Он] неплохой человек, и родственники хорошие, спокойные. *Чапчаң оол, ырах парар* [Татарова, 1991: 87] – Быстрый (энергичный) парень, далеко пойдёт.

Наиболее распространенным средством реализации признака «постоянное свойство характера» является сочетание прилагательного и имени.

Часто врожденность определенных черт характера человека конкретизируется лексемами *чир* или *төрөөнінең* с общим значением ‘с рождения; вообще такой’. Примеры: *чир андаг* ‘вообще такой (от рождения, от природы)’; *чир хыйга* ‘от природы (рождения) умный’; *чир көйтик* ‘вообще (от природы, с рождения) хитрый’; *чир хылыхтыг* ‘вообще (от природы, с рождения) злой’; *чир тапсабас* ‘вообще (от природы) молчаливый’; *чир чүгүрік* ‘вообще (от природы, с рождения) быстрый, прыткий’; *чир салчых* ‘вообще (от природы, с рождения) скандальный, крикливый’ и т.д. Перечисленные сочетания в предложении без смыслового ущерба можно заменить субстантивированным причастием *төрөөнінең* ‘букв. с рождения’, образованным от глагола в форме прошедшего времени *төрөөн* + аффикс притяжательности *-i-* + аффикс исходного падежа *-нең*. Однако в Хакасско-русском словаре лексема *төрөөнінең* не представлена как самостоятельная лексическая единица [ХРС, 2006], мы считаем ее таковой, поскольку она сочетается с многочисленной категорией прилагательных, характеризующих человека: *төрөөнінең тапсабас* ‘с рождения молчаливый’, *төрөөнінең агырыг* ‘с рождения больной’, *төрөөнінең чабал сагыстыг* ‘с рождения злой’, *төрөөнінең сіліг* ‘с рождения красивый’, *төрөөнінең сібілдей* ‘с рождения хилый’ и т.д. Тем самым лексемы *чир* и *төрөөнінең* являются абсолютными синонимами:

Ол, *төрееінің (чир) чабал кізі, өріністіг хатхырыбысхан* [Чарых кўннig чирім, 2007: 135] – Он, с рождения (от природы) злой человек, весело засмеялся.

Также встречается случай субстантивации имени, например: *хончы* «жалобщик; стукач» → *хончы кізі* ‘человек, любящий стучать; стукач’; *палыхчы* ‘рыбак’ → *палыхчы оолах* ‘мальчик, любящий рыбачить’; *сарынчы* ‘певец’ → *сарынчы кізі* ‘человек, любящий петь’ и т.д.

Минің пабам, сарынчы кізі, сым одыр полбаан, сарнап салыбысхан – Мой отец, человек, любящий петь, не смог усидеть спокойно, запел. *Хара сагызын тосхырып алып, көгліг полган Сакис* [Чарых кўннig чирім, 2007: 35] – Исполнив свою похоть (букв. черную задумку), он был весел;

б) прилагательные, выражающие значение «на фоне каких-либо внешних раздражителей ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта». Данный семантический компонент характеристики человека выявляется исключительно из контекстной реализации качественных прилагательных или же других частеречных конкретизаторов.

Ол поэын махтапчатхан чойырхостарга хынчатхан кізі – Он – человек, любящий подхалимов, которые угождают ему. *Сыннаң андаг полза, мин трутеньмін, нимее чарабаан кізібін* [Кильчичаков, 1991: 80] – Если это так, то я трутень, бестолковый человек. *Пабазы килгенде, оолагас чалахай полган* (Ах, 54) – Когда приехал отец, мальчик был веселым. *Тур-р, поэырах айназы! – хаалха алнында өкпеліг апсааның табызы истіл парган* [Чарых кўннig чирім, 2007: 138] – Стой, рыжая чертовка! – слышался голос злого мужа перед воротами.

Отметим, что в ситуативных описаниях обычно эмоциональное (или морально-этическое) переживание (или состояние) субъекта имеет временный характер.

В отдельную категорию попадают эмоционально-экспрессивные слова, выражающие ругательства, брань. Как правило, в речевом употреблении такие выражения исполняются в субъективно-оценочном, эмоциональном или ироничном смысле. Такие слова представляют собой выражение личного мнения говорящим и идут в разрез с объективной реальностью.

Сірер чи, алыг айналар, Корамасты полицейох тіп өйкеліс одырғазар ба? [Чарых

кўннig чирім, 2007: 139] – А вы, тупые черти, возомнили, что Корамас тоже полицей что ли? *Кем ікінчіленче алай хорыхча, сагамох пеер! Пу садынчах адайнаң хости турзын!* [Туран, 1981: 91] – Кто сомневается или боится, быстро сюда! Встаньте рядом с этой продажной собакой! – *Абдаке, синің мында чызың чох ползын, сазы узун, сагызы хысха хат эйнелер!* [Туран, 1981: 67] – Абдаке, чтоб духу твоего здесь не было, длинноволосые, безмозглые бабы-черти!

Как утверждает А.Р. Рахимова, развитие лексики, характеризующей человека, связано с процессом формирования общества, например, можно заметить, что в памятниках древнетюркской письменности языковые средства, используемые для описания человеческих качеств, намного беднее по сравнению с лексикой более позднего периода. «В человеческом обществе в то время положительными качествами считались мудрость, меткость (в стрельбе из лука), сила, благородство и т.д.» [Рахимова, 2010: 86]. В более поздние эпохи появлялись слова с более точными суждениями о характере человека. А.Р. Рахимова из Древнетюркского словаря выделяет слова из текстов Турфанской коллекции, написанных уйгурским письмом (IX–X вв.), например, *asra* ‘смиранный, покорный’, *azmiş* ‘рел. заблудший’, *bijanlig* ‘благочестивый’, *bi-jansiz* ‘лишённый добродетели’, *qaninçsiz* ‘ненасытанный’ и т.д. [Рахимова, 2010: 86]. Таким образом, дальнейшее развитие общества характеризуется все более глубоким осознанием морально-этических ценностей, что отражается в соответствующем многообразии характеризующей человека антропоцентрической лексики.

В нашем исследовании среди разнообразия лексических обозначений многогранного человеческого характера для детального рассмотрения мы выделяем наиболее распространенные микрополя:

1. Лексемы с полярными оценочными значениями «трудолюбивый – ленивый». Во всех национальных культурах положительное или отрицательное отношение человека к труду является мерилом его значимости в обществе. М.А. Еремина, исследуя образы трудолюбивого и ленивого человека в русской языковой картине мира, приходит к такому выводу: «Совокупность представлений, эксплицируемых семантической организацией и мотивационными от-

ношениями единиц лексико-семантического поля «отношение человека к труду», структурируется в виде двух информационных блоков: первый – хранит «портреты» типичного лентяя и труженика, включающего «кадры» из их жизнедеятельности; второй – отражает комплекс ценностно-нормативных представлений носителя языка о самом труде [Еремина, 2014: 181]. Труд является основополагающим фактором поддержания жизни на земле и потому отношение человека к труду является актуальным с древнейших времен. В хакасском языке противопоставления образов трудолюбивого и ленивого человека представлены базовыми лексемами *сымдах* ‘трудолюбивый, работающий, прилежный, старательный, выносливый’ и *аргаас* ‘лень, лодырь, лентяй; ленивый’. Одним из основных источников языковой трансляции тематики труда являются поговорки, поэтому употребление лексем со значением «трудолюбивый» и «ленивый» мы показываем на примере пословиц и поговорок. Часто обозначения полярных характеристик – трудолюбивого и ленивого – человека отражаются в структуре одной пословицы, поскольку подача в сравнении поучительных смыслов трудолюбия и лени более эффективно воздействует на адресата:

Сымдах кизінің палалары астабинча, аргаас кизінің палалары астап одырча [Кобяков, 1982: 29] – Голодают дети ленивого, и нужды не знают у радивого.

В паремическом творчестве трудолюбивый человек и ленивый человек часто описываются под одним углом зрения в сходных аспектах, но получают контрастные характеристики, что свидетельствует о включенности данного признака в выработанную традиционным сознанием систему ценностей.

Аргаас ардатча, кұлұк азырапча [Кобяков, 1982: 31] – Ленивый портит, работающий – кормит.

Данная пословица по структуре и содержанию очень схожа с русской *труд кормит, а лень портит*. Кроме того, такие пословицы транслируют четкие границы между этими двумя полярными понятиями. Идею трудолюбия транслируют также прилагательные: *кұлұк* ‘трудолюбивый, работающий, ловкий, проворный’; *чиміг* ‘трудолюбивый, энергичный, деловой, активный, бойкий, резвый, проворный’ и

фразеологические единицы *тогысха кұс* ‘трудолюбивый; букв.: силен в работе’, *пызыг холлыг* ‘искусный, трудолюбивый; букв.: со зрелыми руками’ и др.

Онок, поэң даа пілчезің, ол чазыг кизі нооза, сырай-сынға ла иптiг [Кильчичаков, 1991: 20] – Онок, ты и сам знаешь, он же непоротливый (вялый), только на рост и внешность красивый.

Часты случаи субстантивации прилагательных: *Прайзы аның хыйгазына паза чітігіне чапсаан* [Костяков, 1989: 14] – Все восхищались его умом и трудолюбием.

Кроме базовой лексемы *аргаас* ‘лень, лодырь, лентяй; ленивый’ семантический признак «ленивый» выражается в семантике таких лексем, как

– *чызыг* II «перен. неповоротливый, медлительный, ленивый, лентяй»: *Чызыг кизілерге амды сидік* [Кобяков, 1982: 54] – Нынче трудно [живется] нерасторопным;

– *чалты* ‘лень; лентяй, лодырь; разгильдяй; ленивый’: *Андаг чалты поларга чарабас* – Нельзя быть таким лентяем;

– *ынанмас* ‘ленивый; лентяй, лодырь’: *Ынанмас ирдің сидені талалых ла поладыр* [Алтын хыс, 1992: 54] – У ленивого мужика забор всегда бывает сломанным;

– *эрінчек* / *ирінчек* ‘ленивый; лодырь, лентяй’: *Ирінчек кизе кұннің поэрах* – Для лентяя всегда выходной. *Эрінчекке кизілер дее хынминчалар* – Ленивая никто не любит;

– *күскінчек* ‘ленивый, инертный’: *Ала саасхан аалдаң сых полбинча, Күскінчек ибін арыглап полбинча* (погов.) – Сорока-белобока из деревни не может улететь, а лентяй в своём доме не может прибраться [Кызласова, Чертыкова, 2014: 29–30].

В основе содержания лексем со значениями «трудолюбивый – ленивый» лежит отношение к труду как одно из составляющих общественных отношений и базовых ценностей общества. Вследствие этого формируются традиционные субъективно-оценочные структуры положительного и отрицательного отношения к труду, соответственно и образы трудолюбивого / ленивого человека «в результате установления глубоких связей между результатами мыслительной деятельности этноса и элементами и свойствами соответствующей языковой системы» [Каксин, 2019: 185].

2. Лексемы с полярными оценочными значениями «весёлый – грустный». В толковых словарях для определения эмоции радости / веселья используются понятия «удовольствие» и «удовлетворение», или же отождествляются эти два понятия. Также между радостью и весельем имеется довольно много общего, однако очевиден тот факт, что «радость может быть спокойной и тихой, в то время как веселье – нет. Наряду с возбужденной радостью (радостью-восторгом, ликованием), существует радость спокойная (растроганная радость, радость-умиление) и напряженная радость, исполненная устремленности (радость страстной надежды и трепетного ожидания)» [Психология эмоций..., 1984: 87]. Думается, что эти понятия и в других языках обладают универсальной содержательной формой.

В Словаре синонимов хакасского языка синонимический ряд с общим значением «веселый» представлен такими лексемами: *кӱгӱг* 'веселый, радостный'; *ӱрчӱг* 'радостный, жизнерадостный, веселый (о людях)'; *ӱрӱнӱстӱг* 'радостный, веселый'; *ачых-чарых*; *чалахай* «дружелюбный, приветливый, ласковый»; *кӱрдӱс* 'бодрый, жизнерадостный' [Кызласова, Чертыкова, 2014: 51].

Эмоции *веселье / радость*, выражаемые прилагательными *ӱрчӱг* 'радостный, жизнерадостный, веселый (о людях)'; *кӱгӱг* 'веселый, радостный'; *ӱрӱнӱстӱг* 'радостный, веселый' обозначают:

а) беззаботное, легкое, шутливое настроение субъекта: *ӱрчӱг хыс* – веселая девушка; *кӱгӱг тогынчы* – веселый, жизнерадостный работник и т.д. *Кем прайзынаң кӱгӱг? Матильда!* [Татарова, 1991: 81] – Кто веселее всех? Матильда!

б) в случае перехода в разряд наречий – протекание какого-либо действия, процесса. *Оолах ниге-де ӱрчӱг сыбыхтаан* – Мальчик что-то радостно шептал. *Катя нӱӱн тогысха хайдадар чалахай килген* [Костяков, 1989: 54] – Катя сегодня пришла на работу очень веселая.

Семантика этих прилагательных маркирована временным фактором, т.е. в зависимости от контекстуальной реализации они могут выражать постоянство характера человека или же его ситуационное настроение. См. выше: а) прилагательные, выражающие значение «врожденное и постоянное свойство характера человека»; б) прилагательные, выражающие значение «на

фоне каких-либо внешних раздражителей ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта».

Временный характер проявления эмоции радости лексем *ӱрчӱг* 'радостный, жизнерадостный, веселый (о людях)' и *ӱрӱнӱстӱг* 'радостный, веселый' в контексте обычно не соотносится с конкретизаторами постоянства типа *хачан даа (тӱремӱл)* 'всегда (постоянно)'. Но можно сказать: *Керес, сӱрер хачан даа кӱгӱгсер, а харагыңар нога-да мӱңис* [Татарова, 1991: 72] – Керес, вы всегда веселый, но [ваши] глаза почему-то грустные. Обычно для ощущения радости / веселья (как и грусти и злости) бывает какой-либо стимул или причина. И задавая такой вопрос: *Нимее (нога) андаг ӱрӱнӱстӱгӱң (ӱрчӱгӱң / кӱгӱгӱң)?* – Почему [ты] такой веселый? – спрашивающий обычно хочет узнать источник этой радости. Однако подобный вопрос неуместен в отношении лексем *ачых-чарых* и *чалахай* 'дружелюбный, приветливый, ласковый', поскольку они обозначают постоянное приветливое (радушное) настроение человека. *Ачых-чарых туганнар пӱстӱ чылыг удурланнар* – Радужные родственники нас встретили тепло. *Чалахай кӱзӱ, ол кӱр килзе, чарых кӱн сых килген охас* [Татарова, 1991: 86] – Доброжелательный человек, когда он заходит в дом, кажется, что восходит солнышко. Лексема *ӱрӱнӱстӱг* 'радостный, веселый' исключает сочетание с именами, выражающими понятие человек. Но тем не менее косвенная передача эмоционального переживания или состояния субъекта обнаруживается в его сочетании с именами с отвлеченным значением: *ӱрӱнӱстӱг хабар* – радостная весть, *ӱрӱнӱстӱг кӱн* – радостный день, *ӱрӱнӱстӱг тогазыг* – радостная встреча и т.д.

В.Ю. Апресян дает такое определение понятию грусти: «Грусть – отрицательная эмоция, не связанная ни с плохим отношением к кому-либо, ни с самоосуждением, расположена примерно посередине. С одной стороны, выражение «грусти» в целом не говорит об экперисере плохо; с другой стороны, «грусть», во-первых, иногда требует какого-то участия, хотя бы вербального, со стороны адресата, т.е. ее открытое выражение может восприниматься как нескромная просьба о сочувствии, во-вторых, «грусть» может восприниматься как «нытье», говорящее о слабости экперисера (особенно открытое

выражение некоторых видов «грусти» – *уныния, тоски, депрессии*)» [Апресян, 2010: 52]. Семантический признак «грустный» в хакасских прилагательных актуализируется лексемами *тичеллиг* ‘печальный, грустный; печально, грустно’, *кӱӱ чох* ‘грустный, без настроения’ и др. В целом эмоциональные переживания, настроения и состояния человека выражаются различными средствами в зависимости от временных рамок: постоянства настроения или ситуативных реакций на внешние факторы. Как и в случае с прилагательными со значением *радости / веселья* в синтагматической совокупности семантический признак «грустный» может проявляться в сочетании:

– эмотивного прилагательного с именем (*чалахайкӱзі* – веселый, добродушный человек; *кӱӱгӱлгалалар* – весёлые дети и т.д.).

Кӱӱ чох хызычах пулуңда ла одыр салча [Татарова, 1991: 21] – Девочка без настроения сидит только в углу.

В семантике прилагательного в роли определяющего звена в отношении имени лица указывается длительность эмоционального переживания, а это значит постоянство признака эмоциональности, переходящее в категорию свойства и характера человека: как.: *тарыңчахоол* ‘злой парень’, *ӱрчӱлӱг пала* ‘весёлый ребенок’, *хомзынчахиңчи* ‘обидчивая (грустная) женщина’ и т.д. По сути, конструкции «прилагательное + имя» представляют собой оценочные модели, где прилагательное выражает оценку, а имя есть оцениваемый объект;

– эмотивного наречия с глаголом (*кӱӱ чох килген* – пришёл без настроения; *ачых-чарых чӱрче* – ходит радостный и т.д.).

ӱчезӱ ойнирга чаратпинчатханда, оолагас кӱӱ чох полган – Когда мама не разрешала играть, мальчик был без настроения.

К этой же категории лексем относятся *хомзыныстыг* ‘обидный, досадный; обидно, досадно; жалобный, печальный; жалобно, печально’, который может сочетаться лишь с именами с объектными существительными с конкретным или отвлеченным значением: *хомзыныстыг сӱс* – обидное слово; *хомзыныстыг кирек* – досадный случай; *хомзыныстыг ыр* – жалобная песня.

Олулуг ӱӱрхас, пістің тусха чидің, хоптанган чіли, хомзыныстыг табыснаң хысхырыза, пір

хати ӱстӱбісче ибірің, аннаң іскер алдыра – пістің Чир – суубыссар – чӱрібіскеннер [Чарых кӱннӱг чирім, 2007: 62] – Эта большая стая птиц, пролетая над нами, как будто жалуясь, издавая печальные звуки (букв. крича печальным голосом), сделала круг над нами, затем улетела на восток, в сторону нашей Родины.

Переживание грусти субъектом может раскрываться через сочетание с глаголом: *Иб істің кӱрің алып, ол хомзыныстыг сарнап салыбысхан* [Алтын хыс, 1992: 18] – Посмотрев убранство дома, он печально запел.

Подобные лингвистические характеристики человека ориентированы на модель поведения человека. «Для того чтобы придать описанию образа человека динамический характер, необходимо совместить непроцессуальные характеристики, лежащие в основе языкового портретирования, и процессуальные, т.е. те, которые эксплицируют модели поведения человека, реализующиеся в процессе того или иного вида целенаправленной деятельности как феномена внеязыковой действительности» [Чернова, Калинина, 2010: 8].

С семантическим признаком «грустный» привативную связь обнаруживает и лексема *хомзынчах* ‘обидчивый; *хомзынчах кӱзі* – обидчивый человек; *угаа хомзынчах* – очень обидчивый; *хомзынчах поларга* – быть обидчивым’ [ХРС, 2006: 841]. В семантике обиды содержится оттенок грусти.

Катя, нога син андаг хомзынчахсың? – Катя, почему ты такая обидчивая (грустная)?

Также признак *грусть* в значении слова *хомзынчах* мотивирован его основой *хомзын-* ‘1) печалиться; 2) обижаться’. Данная лексема синонимизируется с *тарынчах* ‘1. 1) раздражительный, сердитый, вспыльчивый, обидчивый; *тарынчах кӱзі* – сердитый человек; *тарынчах чӱрерге* – ходить сердитым (надутым); 2) легко раздражающийся (быстро обижающийся) человек; *тарынчах сӱстер* – сердитые слова; 2. Раздражительно, сердито, вспыльчиво, обидчиво; *тарынчах чоохтанарга* – говорить раздражительно, сердито; $\diamond$ *тарынчагы тутча* [он] сердится (в приступе гнева); $\square$ *тарынчахнаң суг тазыпчалар* погов. соотв. русск. На сердитых воду возят’ [ХРС, 2006: 599]. О связи хакасской обиды с эмоцией злости написано в статье «Концепт обиды в хакас-

ском языке как фрагмент эмоциональной картины мира» [Чертыкова, 2020б].

В поэтическом дискурсе встречаются также разные типы метафор для выражения яркости эмоций и чувств: *Минің оолгычаама харах та-стаба, минің көңліме кўскў асылба* [Паин Саа, 2013: 34] – Не кидай взгляды на моего любимого, не покрывай осенью мою душу.

3. Лексемы с полярными оценочными значениями «добрый – злой». Понятие доброты выражается не как эмоция, а как постоянное душевное состояние человека, его хорошее расположение ко всему окружающему. Базовыми словами, обозначающими доброго человека, являются: *паарсах* – добрый, ласковый, внимательный; *чугаанныг* – внимательный, приветливый, общительный, также фразеологизмы с компонентами-соматизмами *чўрек* ‘сердце’ и *паар* ‘печень’: *чагбан чўректіг* – добрый, с добрым сердцем; *чагбан паарлыг* – добрый, с доброй печенью; *нымзах чўректіг* – добрый; букв. с мягким сердцем; *нымзах паарлыг* – добрый; букв. с доброй печенью, *аллыг істіліг* – добрый; букв. с обширным животом. *Кланячагым, син худайзың, аллыг істіліг, кізее ачынчах* [Алтын хыс, 1992: 54] – [Моя] Кланечка, ты богиня, добрая, сострадательная.

Лексемы, описывающие доброго человека, лишены временной маркированности, поскольку они обозначают характер человека, но не его ситуационное настроение.

Эмоцию злости следует понимать как возбужденное переживание субъектом негативного и неприятного чувства, вызванного различными причинами. Микрополе антонимичных лексем с общим признаком «злой» представлена прилагательными: *хылыхтыг* – злой, сердитый, *та-рынчах* – сердитый, обидчивый, легко раздражающийся; *сердито*, *обидчиво*, *раздражительно*. – *Чиит тее полза, угаа хылыхтыг пала полтыр, – сизіндірче хончых инейні Катрин өрекен* [Алтын хыс, 1992: 58] – Хоть и молодой, но очень злой парень, оказывается, – предупреждает соседку старушка Катрин.

Прилагательное *хазыр* ‘бурный, сильный’ в первоначальном значении используется в отношении природных объектов – *хазыр суг* – бурная, быстрая река; *хазыр чил* – сильный ветер, *хазыр соох* – сильный мороз, *хазыр наңмыр* – проливной сильный дождь. В сочетании с име-

нами, обозначающими живых существ, данная лексема приобретает переносное значение с признаком интенсификации «грозный, злой, разъяренный»: *хазыр апсах* – злой дед, *хазыр паба* – злой, строгий отец и т.д. Поскольку соматизм *өкпе* ‘лёгкие’ в хакасском языке ассоциируется со злостью, то образование прилагательных от данной основы объяснимо: *өкпе-лен-чїк* – злой, вспыльчивый, сердитый, горячий; *өкпе-ліг* – сердитый, злой. *Ол туста султан чон алнына сых килген, угаа өкпеліг* – В этот момент султан вышел к толпе, сильно рассерженный.

IV. Обсуждение. В тюркских, а также в других разноструктурных языках лексемы, описывающие характер человека, относятся к той категории концептуальных слов-наименований, которые являются основным источником морально-нравственных, этических и этнокультурных представлений народа. Содержательная и понятийная структуры слов, характеризующих человека, представляют собой совокупность признаков морально-нравственной оценки, стереотипных образов «идеального человека», к которому через осуждение и одобрение стремится традиционное сознание народа. В этом плане, по свидетельству Е.Н. Афанасьевой, в якутском языковом сознании идеал совершенства или эталон человека обозначается лексемами *сиппит-хонпут киһи* «зрелый полноценный человек» и *киһи тэңэ* «равный человеку» [Афанасьева, 2019: 240]. В хакасском языке данное понятие передается словосочетанием *кїзі поларга*, что является калькированным заимствованием с русского *быть человеком*. Тем самым семантика лексемы *кїзі* «человек» возводится до совершенного человека, обладающего всеми добродетелями.

V. Заключение. Мы рассмотрели три базовых полярных микрополя лексем, характеризующих человека: трудолюбивый – ленивый, радостный – печальный, добрый – злой, которые как межкультурные семантико-когнитивные универсалии обеспечивают общие закономерности разноструктурных языков. В ходе анализа языкового материала мы пришли к следующим выводам:

– языковое описание образа человека находит свое отражение на всех уровнях языка. Прилагательные, находясь в синтагматических и содержательных отношениях с именами и глаго-

лами, представляют одно из основных семантико-когнитивных звеньев в данной концептуальной сфере;

– в основе полярных систем подобной оценочной лексики лежит соответствие / несоответствие морально-этическим нормам, принятым в человеческом обществе. Тем самым лексемы *чахсы* ‘хороший’ / *хомай* ‘плохой’ также выражают обобщенную оценку положительных / отрицательных качеств характера человека;

– репрезентация характеристик человека осуществляется прилагательными, в семантике которых при реализации доминирует один из двух дифференциальных признаков: «врожденное и постоянное свойство характера человека» и «на фоне каких-либо внешних раздражителей ситуативное эмоциональное (морально-этическое) состояние субъекта»;

– в качестве характеризующих человека слов, помимо эмоционально-оценочных прилагательных, выступают субстантивы, фразеологические единицы и эмоционально-экспрессивные слова, синтаксические описания и др. Эмотивные наречия в сочетании с глаголом также создают фон характеристики человека с ориентацией на модель поведения. В эту же категорию попадают эмотивные прилагательные, которые могут сочетаться лишь с объектным именем с отвлеченным значением (*хомзы-ныстыг көг* ‘грустная песня’, *өріністіг тылаас* ‘радостная весть’ и т.д.), поскольку носителем выражаемых ими эмоций является субъект – человек.

Список литературы:

Апресян В.Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. №2 (20). М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 26–57.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–79.

Афанасьева Е.Н. Вербализация образа человека в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. №2. С. 231–242.

Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов (Язык. Семиотика. Культура.

Малая серия) [Пер. с англ. А.Д. Шмелева]. М.: Языки славянской культуры. 2001. 288 с.

Добринина А.А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2012. 214 с.

Еремина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: монография. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета. 2014. 204 с.

Каксин А.Д. Когнитивные аспекты реконструкции образа человека труда (по данным хантыйского языка) // Sciencefor Education Today. 2019. Т. 9. №4. С. 182–196.

Психология эмоций. Тексты [Под редакцией В.К. Виллонаса, Ю.Б. Гиппенрейтер]. М., 1984. 288 с.

Рахимова А.Р. Лексические средства выражения общей положительной / отрицательной оценки человека в татарском и других тюркских языках // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. №6. С. 85–94.

Чернова С.В., Калинина Л.В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник ВятГУ. 2010. №2-2. С. 8–14.

Чертыкова М.Д. Концепт *обида* в хакасском языке как фрагмент эмоциональной картины мира // Сибирский филологический журнал. 2020б. №1. С. 216–228.

Чертыкова М.Д. Концептуализация внешнего образа женщины в хакасской лингвокультуре (по материалам художественных произведений) // Гуманитарные науки и образование. 2020а. Т. 11. № 3(43). С. 151–159.

Алтын хыс. Хакас ныхматары (Хакасские сказки). Абакан: Хакасское книжное издательство. 1992. 77 с.

Кильчичаков М.Е. Пьесалар (Пьесы). Агбан: Хакас книга издательствозы, 1991. 195 с.

Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1982. 252 с.

Костяков И. Чибек хур. Роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1989. 230 с.

Паин Саа. Таңма. Знак. Сборник стихов на хакасском языке. Абакан: Дом литераторов Хакасии. 2013. 96 с.

Татарова В. Аат табызы. Повесть. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1991. 176 с.

Туран М. Пай тирек. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1981. 236 с.

Чарых кўннig чирim. Солнечный мой край // Сборник художественных произведений хакасских

авторов [Составители А.Е. Султреков, Л.В. Челтыг-машева, Н.С. Майнагашева]. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. 348 с.

Radden G. The Concept of Motion. Schulze R., Hüller W. Understanding the Lexicon. Tübingen, 1988.
Taylor J. Linguistic Categorization. Oxford, 1989.

Словари:

Кызласова И.Л., Чертыкова М.Д. Словарь синонимов хакасского языка // Хакас тілінің синонимнер сөстiгі: Справочное издание. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2014. 228 с.

Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгі: около 22 тыс. слов [Авторы-составители: О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.Д. Чертыкова и др. Под общей редакцией О.В. Субраковой]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References:

Afanas'eva E.N. Verbalizaciya obraza cheloveka v yakutskom yazyke [Verbalization of the image of a person in the Yakut language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2019. №2. Pp. 231-242. (In Russian)

Altyn hys. *Hakasskieskazki* [Khakass fairy tales]. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1992. 77 p. (In Khakass)

Apresyan V. Yu. Rechevye strategii vyrazheniya emocij v russkom yazyke [Speech strategies for expressing emotions in Russian]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. №2 (20). Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2010. Pp. 26-57. (In Russian)

Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of a person according to language data: an attempt at a systemic description]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues]. 1995. №1. Pp. 37- 67. (In Russian)

Arutyunova N.D. O stydeisovesti [About shame and conscience]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykietiki* [Logical analysis of language. Languages of Ethics]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 2000. Pp. 54-79. (In Russian)

Charyh kynnig chirim. Solnechnyj moj kraj [My sunny land]. *Sbornik hudozhestvennyh proizvedenij hakasskih avtorov* [Collection of works of art by Khakass authors]. Compilers: A.E. Sultrekov, L.V. Cheltyg-masheva, N.S. Majnagasheva. Abakan: Khakass book Publ., 2007. 348 p. (In Khakass)

Chernova S.V., Kalinina L.V. Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema [Interpretation

of the image of a person as a linguistic problem]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University journal]. 2010. №2-2. Pp. 8-14. (In Russian)

Chertykova M.D. Koncept obida v hakasskom yazyke kak fragment emocional'noj kartiny mira [The concept of resentment in the Khakass language as a fragment of the emotional picture of the world]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2020. №1. Pp. 216–228. (In Russian)

Chertykova M.D. Konzeptualizaciya vneshnego obraza zhenshchiny v hakasskoj lingvokul'ture (po materialam hudozhestvennyh proizvedenij) [Conceptualization of the external image of a woman in the Khakass linguistic culture (based on materials of works of art)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and education]. 2020. Volume 11. № 3(43). Pp. 151-159. (In Russian)

Dobrinina A.A. *Prilagatel'nye sovremennogo altajskogo yazyka, oboznachayushchie cherty haraktera cheloveka* (v sopostavitel'nom aspekte) [Adjectives of the modern Altai language denoting human character traits (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, 2012. 214 p. (In Russian)

Eryomina M.A. *Len' i trudolyubie v zerkale russkoj yazykovoj tradicii* [Laziness and hard work in the mirror of the Russian language tradition]. Monografiya. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University Publ., 2014. 204 p. (In Russian)

Hakassko-russkij slovar' – Hakas – orys söstigi [Khakass-Russian dictionary]. About 22 thousand words. Authors-compilers: O.P. Anzhiganova, N.A. Baskakov, M.I. Borgoyakov, A.I. Inkizhekova – Grekul, D.F. Patachakova, O.V. Subrakova, P.E. Beloglazov, Z.E. Kaskarakova, A.S. Kyzlasov, R.D. Sunchugashev, M.D. Chertykova. Pod obshchej redakciej O.V. Subrakovoj. Novosibirsk: Science Publ., 2006. 1114 p. (In Khakass and Russian)

Kaksin A.D. Kognitivnye aspekty rekonstrukcii obraza cheloveka truda (po dannym hantyjskogo yazyka) [Cognitive aspects of the reconstruction of the image of a working person (according to the Khanty language)]. *Science for Education Today*. 2019. Volume 9. №4. Pp. 182-196. (In Russian)

Kil'chichakov M.E. *P'esalar* [Plays]. Arban: Khakass book Publ., 1991. 195 p. (In Khakass)

Kobyakov V., Topanov A. *Hyzyl chazy* [Red field]. Abakan: Khakass branch of the Krasnoyarsk book Publ., 1982. 252 p. (In Khakass)

Kostyakov I. *Chibek hur* [Silk belt]. Roman. Abakan: Khakass branch of the Krasnoyarsk book, 1989. 230 p. (In Khakass)

Kyzlasova I.L., Chertykova M.D. *Slovar' sinonimov hakasskogo yazyka. Hakas tiliniñ sinonimner söstigi* [Dictionary of synonyms of the Khakass language].

- Reference edition. Abakan: Khakassik State University named after N.F. Katanova Publ., 2014. 228 p. (In Khakass and Russian)
- Pain Saa. *Taңma. Znak* [Sign]. Sbornik stihov na hakasskom yazyke. Abakan: House of Writers of Khakassia Publ., 2013. 96 p. (In Khakass)
- Psihologiya emocij* [Psychology of emotions]. Teksty. Edited by V.K. Vilyunasa, Yu.B. Gippenrejtser. Moscow: Moscow State University Publ., 1984. 288 p. (In Russian)
- Radden G. *The Concept of Motion*. Schulze R., Hüller W. Understanding the Lexicon. Tübingen, 1988. (In English)
- Rahimova A.R. Leksicheskie sredstva vyrazheniya obshchej polozhitel'noj. Otricatel'noj ocenki cheloveka v tatarskom i drugih tyurkskih yazykah [Lexical means of expressing a general positive. Negative assessment of a person in Tatar and other Turkic languages]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University]. Series: Humanities. 2010. №6. Pp. 85-94. (In Russian)
- Tatarova V. *Aat tabyzy* [Turpan's cry]. Povest'. Abakan: Khakass book publ., 1991. 176 p. (In Khakass).
- Taylor J. *Linguistic Categorization*. Oxford, 1989. (In English)
- Turan M. *Pajtirek* [Rich poplar]. Stories. Abakan: Khakass branch of the Krasnoyarsk book Publ., 1981. 236 p. (In Khakass)
- Vezhbickaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura. Malaya seriya)* [Understanding cultures through keywords. (Language. Semiotics. Culture. Small series)]. Translation from English A.D. Shmelyova. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2001. 288 p. (In Russian)

M.D. Chertykova

Language Interpretation of a Person's Character (Based on the Khakass Language)

The scientific novelty of the article is determined by the fact that for the first time in Khakass linguistics, lexical means reflecting a person's character are identified and described, in particular, lexemes included in the basic polar microfields – “hardworking – lazy”; “cheerful – sad”; “kind – angry”.

The aim of the article is to identify and describe the lexical and semantic originality of lexemes that characterize a person, as well as the motivational models that underlie them. To achieve of this aim, the following *tasks* are being solved: 1) to establish the boundaries of the semantic field “human image”; 2) to highlight the lexemes describing the character of a person in the system of certain polar models; 3) in the course of the analysis, determine the semantic and combinability features of these lexemes; 4) to reveal the semantic and cognitive originality of the studied conceptual structures.

Research methods. The study used a semantic-cognitive method, which involves the consideration of lexemes in the relationship of their content and conceptual structures.

Results. As a result of the study, it was found that the semantics of the lexemes under consideration contain indications of the signs of the constancy and temporality of the human character determined by the context. Some of the adjectives from the microfield “cheerful – sad” cannot act as a lexeme characterizing the subject, while they are combined only with an object name with an abstract meaning (homzynystyg kög “sad song”, örinistig tylaas “good news”, etc.), but the bearer of the expressed emotions is the subject – the person. In the course of the analysis of the linguistic material, it was revealed that, in addition to adjectives, other lexical means are used to indicate the qualities of a person's character – substantives, phraseological units, emotionally expressive words, syntactic descriptions, etc., for example, emotive adverbs in combination with a verb also create a background characteristics of a person with a focus on the behavior model.

Keywords: Khakass Language, lexeme characterizing a person, semantics, polar meanings, microfield